ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕГО (С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО 1917 ГОДА)

БОЛЬШУНОВА Е.,
заместитель начальника исправительного учреждения открытого типа
по воспитательной работе с осужденными и специальному учету

В статье анализируются памятники права Беларуси, России и других стран в части применения уголовной ответственности за рецидив преступления, который до середины XIX века чаще именовался «повторение преступления». Являясь наиболее опасным проявлением повторения преступлений, рецидив требует и более жестких мер уголовного воздействия, применяемых к лицам, его допустившим. Метод исторического анализа норм, регламентирующих правовые последствия совершения повторных преступлений, позволяет проследить за развитием уголовно-правовых норм во времени, понять логику их совершенствования.

The article analyzes monuments of law of Belarus, Russia and other countries in the application of criminal liability for recurrence of the crime, which was often called «the repetition of the crime» until the mid-nineteenth century. Being the most dangerous manifestation of the repetition of crimes, relapse requires more stringent penal sanctions applicable to persons who committed it. Method of historical analysis of the rules governing the legal consequences of repeated committal of crimes allows us to trace the development of criminal law in time to understand the logic of its improvement.

Представление о большей опасности лица, совершившего несколько преступлений, настолько естественно, что оно встречается в законодательных памятниках различных народов. И несмотря на то, что все они не содержат характеристик самого преступника-рецидивиста, совершившего преступление повторно, а лишь устанавливают меру наказания за содеянное, которая является более суровой, чем при совершении преступления впервые, их роль для истории развития уголовного права невозможно переоценить.

Анализ источников права рабовладельческого периода позволяет сделать вывод о том, что одни из них предусматривают рецидив, другие предписывают применять такие меры наказания, которые исключают факт рецидива со стороны преступника. Так, например, параграфы 14, 15, 16 и 22 Законов Хаммурапи, царя Вавилона, правившего в XVIII веке до нашей эры, предписывают за совершение ряда преступлений смертную казнь [1].

Иные нормы при совершении деяния не в первый раз предусматривают наступление определенных гражданско-правовых последствий. Например, параграф 169 Законов Хаммурапи предписывает: «Если сын совершил по отношению к отцу тяжкий грех, достаточный для лишения его наследства, они должны на первый раз простить его; если же он совершил тяжкий грех во второй раз, то отец может лишить своего сына наследства» [1].

Пункт 323 Законов Ману, составленных в Древней Индии одной из брахманских школ между II веком до нашей эры и II веком нашей эры, «при похищении родовитых людей, и особенно женщин, а также лучших драгоценных камней» предписывает применять к преступнику смертную казнь. Пункт 277 Законов Ману при первой краже предусматривает «отрезать у вора два пальца, при второй – руку и ногу, при третьей он заслуживает смерти» [1].

Законы XII таблиц 451–450 годов до нашей эры (далее – Законы), послужившие основным источником древнейшего римского права, установили смертную казнь за ряд преступлений, в том числе за распевание песни, «содержащей клевету и опозорение другого человека» (п. 1б Законов), и потравлю или сжатие в ночное время урожая с обработанного плугом поля (п. 9 Законов). Пункт 10 Законов предписывал «заключить в

оковы и после бичевания предать смерти того, кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба, если виновный совершил это преднамеренно» [1].

В древнерусском законодательстве, считал Н.С.Таганцев, положение о повторении преступлений как отягчающем ответственность обстоятельстве впервые было закреплено в «Русской правде». Современные исследователи не согласны с таким выводом и полагают, что законодательное закрепление повторности преступлений на Руси относится к более позднему периоду – ко времени становления централизованного государства. В частности, В.И.Попов отмечает, что впервые понятие «повторение преступлений» было сформулировано в 1397 году в ст. 8 Псковской судной грамоты и в ст. 5 Двинской уставной грамоты. Такого же мнения придерживается и В.Д.Филимонов [2].

Статья 8 Псковской судной грамоты предусматривает: «Если будет совершена кража на посаде, то дважды помиловать (не лишать жизни) виновного, а, доказав преступление, наказать сообразно со степенью вины; уличив же в третий раз, предать его смертной казни, подобно вору, совершившему кражу в Крому» [3].

Статья 5 Двинской уставной грамоты назначает разный размер пени, в зависимости от того, первая это кража, вторая или третья. За первую кражу вор платил цену украденной вещи, за вторую кражу вора продавали в неволю («а в другие уличат – продадут его, не жалуя»), за третью кражу вор подвергался повешенью («а уличат в третие, ино повесити») [4].

Таким образом, анализ указанных источников права позволяет сделать вывод о том, что законодатель выделяет совершение преступления, в частности кражи, во второй раз. Совершивший же кражу в третий раз подвергается смертной казни.

Анализ источников права феодального периода позволяет выявить следующие характерные черты: сословный и классовый принцип ведения судебного процесса и назначения наказания, широкое применение смертной казни за совершение преступления как впервые, так и при повторности совершения преступлений.

Отсутствие понятия повторности преступления характерно для зарубежных источников права. Так, например, параграфы 831, 832, 833 Кутюмов Бовези, представляющих собой изложение обычного права северо-восточной Франции в 1247–1295 годах, предусматривают смертную казнь за поджог дома, кражу вещей, заблуждение в вере. Понятно, что такое наказание полностью исключает рецидив. Аналогичное наказание ждет явного вора и согласно п. 26 Законов Кнута (Англосаксонские правды периода VII–XI веков) [1].

Законник сербского короля Стефана Душана (далее – Законник), принятый в 1349 году и дополненный в 1354 году, также содержит ряд норм, указывающих на применение смертной казни. Например, п. 52 Законника гласит: «если серб изнасилует властелицу, да будет повешен». Пункты 95, 96 Законника предусматривают применение смертной казни за убийство монаха или попа, за убийство отца, матери, брата, своего ребенка. За явное воровство или разбой, мошенничество также предполагалась смертная казнь – пп. 151 и 167 Законника соответственно [1].

Статья 13 Саксонского зерцала, памятника германского феодального права первой половины XIII века, также предписывает применять смертную казнь в виде повешения или отрубания головы за ряд преступлений [1].

Нормы же уголовного права России содержат понятие повторности преступлений и ее последствия для преступника. Так, в ст. 11 Судебника 1497 года предписано: «Если задержат вора вторично в краже, то казнить его смертною казнью, а сумму иска заплатить из его имущества, а остаток его имущества (отдать) судье» [5, с. 339–374].

Каролина, принятое в 1532 году уголовно-судебное уложение «Священной Римской империи германской нации», при назначении наказания за кражу не допускает утяжеления ответственности за повторную кражу. При квалификации преступления имеет значение, совершена ли кража путем вторжения или взлома. В случае, если вторжение или взлом имели место, «независимо от того, будет ли эта кража первая или повторная, большая или малая, …мужчина должен караться повешением, а женщина – утоплением или иным путем, сообразно положению лиц и усмотрению судьи…» [1].

Особое внимание в Каролине уделяется краже, совершенной в третий раз. Согласно п. CLXII «если… эта трехкратная кража будет вполне установлена…, то он будет признан многократно… уличенным вором… и должен быть подвергнут смертной казни…» [1].

В статье 55 Судебника 1550 года, основанного на ст. 10 Судебника 1497 года, законодатель вводит меры, направленные на предупреждение новых преступлений и первоочередное обеспечение интересов государства перед интересами потерпевшего. Так, наряду с торговой казнью и взысканием «истцева иска с» виновного, в статье предусматривается выдача его на «крепкую поруку», то есть под авторитетное поручительство. При отсутствии такового следует тюремное заключение до тех пор, пока не найдутся поручители [6, с. 267–352].

По сравнению со ст. 11 Судебника 1497 года в ст. 56 Судебника 1550 года закрепляется новый порядок расследования повторных краж: обязательное применение пытки, смертная казнь в случае собственного признания, пожизненное заключение «об лихо ванного, который на собя не скажет» и необходимость крепкой поруки для признанного в обыске «добрым человеком» [6, с. 267–352].

Статут Великого княжества Литовского 1588 года (далее – Статут) впервые ввел такие понятия уголовного процесса, как презумпция невиновности (ст. 3 разд. 14), понятия соучастия и причастности к совершению преступления; умышленная и неосторожная формы вины; необходимая оборона и крайняя необходимость, которые исключали преступность деяния. Статут предусматривал институт рецидива: совершение преступлений во второй раз, в третий раз, повторно.

Так, например, ст. 27 разд. 14 Статута установила наказание за повторную кражу рыбы: «А если бы тот же самый был пойман с поличным во второй раз, то по надлежащему доказыванию будет наказан отрезанием уха. А если сделал бы это в третий раз, то по надлежащим доказательствам должен быть наказан как вор, хотя бы поличное по оценке не стоило и десяти грошей» [7].

Статья 7 разд. 14 Статута предписывала следующее: «Если бы случилось кому поймать того вора повторно с поличным, хотя бы то поличное и двух коп грошей не стоило, тогда он уже должен быть избит розгами у столба… А если бы и в третий раз он же учинил воровство, тогда уже смертью наказан будет» [7]. Таким образом, как и источники зарубежного феодального уголовного права, Статут содержал нормы о применении наказания, которое рассматривалось как отплата (сатисфакция) за преступление и средство для запугивания преступников [8, с. 162].

Как и в Каролине, в ст. 15 разд. 14 Статута предусмотрено наказание в виде смертной казни за совершение кражи в третий раз: в отношении простого человека при найденном у него сомнительном поличном в третий раз необходимо провести доказывание и после доказывания применить смертную казнь [7].

Статья 19 разд. 14 Статута предусматривала применение смертной казни к человеку, если «в четвертый раз он был тем же способом оговорен» в том, что он знал о воровстве, совершенном его подданными, «тогда уже без всякого отвода присягой и без поличного, однако же по доказательствам…» [7].

Вместе с тем прослеживается ярко выраженный сословный характер наказаний. Так, преступление, содеянное шляхтичем, наказывалось легче, чем такие же противозаконные действия простого человека. В частности, в случае нанесения ран шляхтичем шляхтичу виновный наказывался отрубанием руки. За подобное преступление, содеянное относительно простого человека, виновный шляхтич наказывался денежным штрафом. Если же простолюдин поранил шляхтича, то он подлежал смертной каре [9].

Статут действовал в Беларуси до 1840-х годов и был одним из источников при составлении «Соборного Уложения» 1649 года – кодекса русского царя Алексея Михайловича.

Соборное уложение 1649 года, являющееся первым печатным источником права, повторением называет только совершение нескольких однородных преступлений, независимо от времени, прошедшего между их совершением [10].

М.Ф.Владимирский-Буданов писал, что русское Уложение 1649 года «в тех постановлениях, которые оно заимствует, везде оно уничтожает сословную окраску; так, артикул 27 раздела XI говорит: о головщинах, о хроменью члонков и о навезках

шляхетских, а 10-я статья XXII главы Уложения: а будет кто... над кем-нибудь мучительское наругательство. Следующий артикул Статута говорит: хто бы шляхтича взял до везенья, а соответствующая статья Уложения: а будет такой поругатель кого-нибудь зазвав или силою заволокши к себе на двор...» [12, с. 28].

В статье 12 главы XXI законодатель также предусматривает смертную казнь за совершение третьей кражи: «…А приведут татя, а доведут на него татбы три, или четыре или больши, и того татя пытав казнити смертью…» [11].

Проект Уложения Российской империи 1813 года (далее – Уложение 1813 года), подготовленный по приказу Александра I, предусматривал наряду со специальным и общее повторение преступлений [10]. Так, в соответствии с п. 4 § 89 к обстоятельствам, увеличивающим вину правонарушителя и меру уголовно-правового воздействия, относилось следующее: «чем развратнее было прежнее поведение преступника, чем чаще он уже был под судом и обличаем в других преступлениях и за оные наказан…» [13].

В соответствии с § 90 особыми причинами увеличения наказания Уложение 1813 года считало совершение нескольких преступлений вместе, а также совершение того же самого преступления вторично или в третий раз и более [13].

Как известно, сам проект 1813 года не был принят и, соответственно, не вступил в силу, однако он имел большое значение для дальнейшего развития отечественного уголовного права и законодательства. Уложение ознаменовало собой этап систематизации норм уголовного права на последующие сто лет. Этот передовой для своего времени источник был использован при разработке Свода законов Российской империи 1832 года, а позднее – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее – Уложение 1845 года) [13].

Свод законов, подготовленный по указанию Николая I и вступивший в силу 1 января 1835 года, в ст. 124 содержал положение, согласно которому повторение одного и того же преступления умножает вину преступника. Повторением преступления считалось то, когда преступник, «будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз» [10].

Уложение 1845 года содержало четкое разграничение понятий повторения и совокупности преступлений. В статье 131 Уложения отмечалось: «К числу обстоятельств, увеличивающих вину и наказание, принадлежат и повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадение в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие милостивого манифеста или по особому монаршему снисхождению». В статье 132 говорится: «В случаях, когда закон не назначает именно наказания за повторение того ж преступления, или за учинение оного в третий или четвертый раз и т.д., суд назначает всегда самую высшую меру наказания за то преступление или повторение оного или за учинение в третий раз определенного» [14].

Н.С.Таганцев по поводу определения повторности в Уложении 1845 года отмечал следующее: «Уложение расширило область повторения, отступив от исконного начала, принятого в нашем праве. Уложение подводило под понятие повторения, кроме повторения в тесном смысле, и повторение общее, и совершение нового, какого бы то ни было преступления, но только не менее важного, после того, как преступник был прощен монаршей милостью» [15].

Уголовное уложение 1903 года (далее – Уголовное уложение) было последним кодифицированным уголовно-правовым актом Российской империи. Давая оценку Уголовному уложению с точки зрения остро соперничавших в тот период классической и социологической школ, можно сказать, что в этом нормативном акте преобладали идеи классического направления. В то же время влияние концепции социологической школы выразилось в статьях Уголовного уложения об усилении ответственности при совокупности преступлений и при совершении нескольких тождественных или однородных преступных деяний «по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения такой деятельности в промысел» и в ряде других норм Уложения [16]. Уложение говорило о воровстве, совершенном шайкой, лицом, два или три раза отбывшим наказание за воровство, разбой, вымогательство или мошенничество, но до истечения 5 лет со дня отбытия последнего наказания (ст. 581, ст. 584 п. 5, ст.ст. 586–587).

Характер и техника нормативных установлений Уголовного уложения оказались таковы, что несмотря на смену общественно-политического строя в 1917 году, они не утратили актуальности и оказали существенное влияние на содержание нормативных актов советского периода [17, с. 22].

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что первые попытки ужесточить наказание за совершение преступления во второй раз встречаются в древних источниках права.

Анализ источников права позволяет нам прийти к выводу об отражении ими характера и особенностей государственного и социального устройства того или иного государства в определенное время.

На протяжении всей истории (с древних времен до Октябрьской революции 1917 года) наблюдается развитие понятия «рецидив преступлений». Усиление ответственности за него предусматривалось сперва через определение его как квалифицирующего признака составов преступлений, затем как отягчающее обстоятельство, учитываемое при назначении наказания.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. – М. : Юрид. лит., 1984. – 472 с.

2. Попов, В. И. Рецидив и организованная преступность : [монография] / В. И. Попов ; Московский институт МВД РФ. – М., 1998. – 193 с.

3. Псковская судная грамота / пер. Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева // Исторические записки : Российская историческая энциклопедия. Т. 6 / под ред. А. Д. Грекова. – СССР : Издательство Академии наук СССР, 1940. – 398 с.

4. Черепнин, Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М., 1960. – 711 с.

5. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1955. – 527 с.

6. Смирнов, И. И. Судебник 1550 года / И. И. Смирнов // Исторические записки : Российская историческая энциклопедия. Т. 24 / под ред. А. Д. Грекова. – СССР : Издательство Академии наук СССР, 1947. – 410 с.

7. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Минск : Беларуская савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989. – 571 с.

8. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

9. Вишневская, И. В. История политической и правовой мысли Беларуси : учебник для студентов высших учебных заведений / И. В. Вишневская. – Минск : Тэсей, 2004. – 272 с.

10. Попов, В. И. Рецидив преступлений: состояние, тенденции, предупреждение : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. И. Попов ; Моск. ин-т МВД Рос. Федерации. – М., 1998. – 51 с.

11. Румянцев, В. Б. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_21.php. – Дата доступа: 08.01.2017.

12. Владимирский-Буданов, М. Ф. Отношения между Литовским Статутом и уложением царя Алексея Михайловича. Т. 4 / М. Ф. Владимирский-Буданов // Сборник государственных знаний. – СПб., 1877. – 210 с.

13. Безверхов, А. Г. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года : монография / А. Г. Безверхов, В. С. Коростелев. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2013. – 192 с.

14. Заярная, Н. В. Понятие рецидива преступлений и основания применения за него более строгих мер уголовной ответственности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Заярная. – Ростов-на-Дону, 2008. – 210 с.

15. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – 380 с.

16. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по Уголовному Уложению 1903 г. / С. А. Елисеев // Сибирский Юридический Вестник. – 2001. – № 4. – С. 15–17.

17. Уголовное право России. Практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина ; под науч. ред. А. В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 808 с.

Материал поступил в редакцию 26.01.2017